

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ В ФОЛЬКЛОРЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН: ЯБЛОНЯ

© 2017 г. Т.А. Агапкина

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 20 января 2017 г.

Дата публикации: 25 марта 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-1-284-305

Аннотация: В статье рассматривается мифопоэтический образ яблони и ее ритуальное использование в традиционной культуре и фольклоре славянских народов. Работа выполнена на фольклорном материале с привлечением этнографических и языковых фактов, уточняющих и развивающих фольклорную символику яблони. Исследование показывает, что этот образ складывается из нескольких достаточно автономных фрагментов. Яблоня и яблоки на ней являются своего рода семейной метафорой и символизируют мать и ее ребенка. В свадебном фольклоре по преимуществу яблоня соотносится с невестой, а также указывает в целом на свадебный обряд, не говоря уже о том, что ветки яблони широко используются в самом обряде (в качестве ритуального деревца, материала для изготовления свадебного знамени, венков для новобрачных, украшений для свадебного каравая и т. д.). Еще одна ипостась яблони в фольклоре — это образ дерева познания; он связывает яблоню с большим количеством легендарных этиологических сюжетов, таких как искушение Евы змеем, грехопадение первых людей, происхождение адамова яблока (кадыка), запрет есть яблоки до Преображения и некоторыми другими. Вместе с тем при всей их автономности фрагменты мифопоэтического образа яблони являются частью единого фольклорного универсума, в рамках которого они активно взаимодействуют друг с другом.

Ключевые слова: яблоня, символика, этноботаника, славяне.

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Ленинский пр., д. 32 а, 119991 Москва, Россия.

E-mail: agapi-t@yandex.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

TREE SYMBOLISM IN SLAVIC FOLK CULTURE: APPLE TREE

© 2017. Tatyana A. Agapkina

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences. Moscow, Russia*

Received: January 20, 2017

Date of publication: March 25, 2017

Abstract: The essay focuses on the mythopoetic image of the apple tree and its ritual use in traditional culture and folklore of the Slavic nations. The work employs folklore material alongside ethnographic and linguistic data that accentuates and develops the folklore symbolism of the apple tree. I argue that this image is comprised of a number of relatively autonomous fragments. The apple tree and its apples are a family metaphor of a kind symbolizing a mother and a child. In wedding folklore, the apple tree stands for a bride as the wedding ritual testifies; apple tree branches are widely used in the ritual itself (as a ritual tree or as material used in the making of a wedding banner, wedding wreaths, decorations for a wedding loaf [karavai], etc.). Another manifestation of the apple tree in folklore is the tree of knowledge; it relates the image to a large number of legendary etiological plots such as: Eve's temptation by the Serpent, fall of Eve and Adam, the origin of Adam's Apple (adam), prohibition to eat apples before the church holiday of Transfiguration and some others. At the same time, their autonomy regardless, the fragments of the mythopoetic image of the apple tree form part of the solid folklore universe and counteract with each other within this framework.

Keywords: apple tree, symbolism, ethnobotany, Slavs.

Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave 32 a, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: agape-t@yandex.ru

Исследование растительной символики, в том числе символики деревьев и кустарников, составляет заметный фрагмент современного научного дискурса (фольклористического, этнографического, этнолингвистического), связанного с изучением традиционной культуры в целом. Эта работа, теоретически говоря, может вестись в двух направлениях. С одной стороны, продуктивным представляется создание универсальной модели описания отдельных фито- и специально- дендросимволов, что позволит изучать отдельные символы не изолированно друг от друга, а в их взаимосвязи. С другой стороны, построению такой общей модели не противоречит внимание к отдельным дендросимволам. «Портрет» каждого конкретного дерева, написанный с опорой на разножанровые и полиэтнические славянские материалы, безусловно, всегда будет разнообразнее, богаче и сложнее, нежели схематичная зарисовка, лежащая в его основе (о двух подходах к описанию растительной символики см. нашу работу: [1]). Один из таких кратких «портретов» предлагается в настоящей статье.

Яблоня (*Pyrus Malus*) — вид деревьев рода *Pyrus*, одно из самых популярных плодовых деревьев в славянском фольклоре, обрядности и верованиях, дерево, которое практически всегда и везде соотносится с комплексом положительных значений (ростом, цветением, плодородием, здоровьем, счастьем, красотой, любовью и т. д.). Согласно белорусской легенде, на яблони отдыхает Богородица, когда сходит на землю, и поэтому «живой» яблони нельзя срубить ([24, с. 127] Витебская губ.). В песенном фольклоре яблоня является одним из воплощений мирового дерева, в частности в сербской песне под яблоней, крона которой достигает неба, Мария зовет Иоанна, чтобы он крестил Бога в Иордане: «Расла јабука крај сињег мора, /

Граном до неба, стаблом до земље, / Под ном сеђаше света Марија. Викала, викала светог Јована: / Да ли можеш и да л' хоћеш Бога крастити / У Јордан води...» [Росла яблоня у синего моря, ветвью до неба, стволом до земли, под ней сидела святая Мария. Звала, звала она святого Иоанна: можешь ли ты крестить Бога в воде Иордана...] ([4, с. 144] Воеводина). В восточнославянских сказках яблоня выступает в роли чудесного помощника, см. сюжеты в рамках типа «Чудесная задача»: (СУС 480 А* [35]) — сестра отправляется спасти своего брата, найти его помогают кот, яблоня, березка, печь, дверь и т. д., а также типа «Чудесный помощник»: (СУС 511 [35]) — сироте помогает в хозяйстве корова; когда ее убивают, на ее косточках вырастает яблоня, плоды которой может сорвать только сирота; сирота становится женой царевича.

Яблоня традиционно вызывала исследовательский интерес: о ней начиная с конца XIX в. и по сегодняшний день писали П. Сobotка [55, s. 141–144], Я. Коштыл [48, s. 255–260], В. Чайканович [41, с. 107–115], А.Б. Мороз [21], М. Босич [5], М. Детелич [11] и многие др. В этих и других работах немало внимания уделено также и символике самого плода — яблока, однако специально этот вопрос мы рассматривать не будем.

Использование яблони в обрядах и магических актах довольно разнообразно, однако значительную их часть мы оставим в стороне. И прежде всего мы не будем рассматривать огромный пласт магических ритуалов, которые традиционно совершались в рамках народных календарных праздников и почитаемых дат и были направлены на повышение урожайности плодовых деревьев (деревьям символически «угрожали», чтобы устроить их и заставить плодоносить; их трясали, чтобы пробудить от зимнего сна, и т. д.). Такого рода ритуалы многочисленны и разнообразны, однако достаточно универсальны, причем по крайней мере в двух отношениях: во-первых, они известны, с разными вариациями, практически по всей Европе, а во-вторых, эти магические ритуалы в равной мере относятся ко всем культивируемым плодовым деревьям, а не только к яблоне.

Поэтому мы сосредоточим внимание преимущественно на фольклорных контекстах, в которых фигурирует яблоня как дерево, и прежде всего на тех из них, которых наиболее репрезентативны с точки зрения изучения символических аспектов этого образа. Этнографический и языковой материал привлекается не сам по себе, а лишь тогда, когда он дополняет фоль-

клорный и позволяет глубже раскрыть отдельные аспекты исследуемого образа-символа.

Будучи деревом «женским» (по грамматическому роду своих названий в славянских языках) и плодовым, **яблоня символизирует мать, а ее плод, яблоко, — новорожденного и ребенка вообще.** Эти значения характерны прежде всего для фольклорных контекстов с их развитым ассоциативным полем, ср., например, заговор на легкие роды: «Стоить яблоко на яблонцѣ. Яблонько, распустися, а младенец, покажыся»¹ (Замошье Гомельской обл.); пословицу: «Не відкотить ся ябко далеко від яблоні, а хоть ся відкотить, то ся хвостиком оберне» [Яблоко от яблони далеко не откатится, а если и откатится, то хоть хвостиком (к ней) повернется] ([12, с. 43] Галиция); причитание матери по умершему младенцу: «Як яблочко од яблоньки одкотылося, так ты од мене, мое дытяточко, одрознилося» [Как яблочко от яблони откатилось, так и ты от меня, мое дитячко, отделилось] ([10, № 181] Черниговская губ.) и нарратив о том, как души трех некрещеных младенцев «явились» в виде яблочек на не приносившей много лет плодов яблоне ([49, s. 378] Польша).

Естественно, что благодаря этим ассоциациям яблоня была вовлечена в обряды и магические ритуалы, касающиеся детей и деторождения. При всем их внешнем разнообразии суть ритуалов всегда состояла в том, чтобы приобщить ребенка к красоте яблони и ее плодов, к фертильности и силе этого плодового дерева, к общей позитивной ауре, окружающей яблоню. Приведем лишь несколько примеров. Повседневная бытовая практика рекомендовала женщине еще во время беременности смотреть на яблоню, чтобы ребенок был здоров и румян; если же беременность приходилась на зимнее время, то она должна была смотреть на яблоки ([19, с. 48] с.-зап. Болгария). Общеславянским был обычай выливать воду после первого купания ребенка повитухой, а также после крестинной купели под плодоносящие деревья, в том числе сладкую яблоню, чтобы дитя было счастливым [51, s. 668], «шоб дитячко росло як яблонька»² (Макишин Черниговской обл.). При первых шагах ребенка мать «вынимала» из земли следы его ступней и закапывала их под яблоней, «чтобы ребенок был красивым» [31, с. 303]. В сербском Банате, когда мальчику исполнялось семь лет, его тетя шила ему первые штаны и рубашку, сидя при этом под яблоней, приносящей больше всего яблок [5, с. 397], и т. д.

1 Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.

2 Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.

Гораздо богаче, глубже и разнообразнее оказывается **свадебно-женская символика яблони**. Дерево, ассоциирующееся с цветением, красотой и плодоношением, выступает в фольклоре и магии и как символ любви и совокупления (см. ниже о легендах, в которых яблоко с древа познания выступает как знак грехопадения), и как символ фертильности, и как символ самой девушки брачного возраста, прежде всего невесты, и как символ свадьбы как обряда. Это объясняет многое в свадебной терминологии и фразеологии, в образности лирических и свадебных песен и наконец в ритуальной атрибутике самого обряда.

В лирических и свадебных песнях разных славянских народов эротический смысл имели мотивы срывания яблок с яблони, а также поливания яблони. У поляков над Рабой во время крестин девочки крестные сплели для нее из травы или соломы «косу» с лентами, которую крестный подвешивал на плодовом дереве как можно выше; пока он это делал, крестная исполняла, стоя под деревом, припевки, в которых присутствовали сексуально-эротические мотивы: «Czerwone jabłuszko ma jabłoni wisi — urwijże go Jasiu, a dej do Marysi!» [Красное яблочко на яблоне висит — сорви его, Яся, и дай Марысе] [56, s. 129–130], что, по-видимому, должно было обеспечить девушке в будущем внимание парней; см. аналогичный смысл в черногорской свадебной песне, где говорится о том, как девушка срывает яблоко с посаженной молодцем возле воды чудесной яблони: «Ђевојка млада најпрво пружила руку десницу да краде Јову јабуке. Јово јој руке ухвати...» [Девушка молодая сперва протянула руку правую, чтобы украсть у Йово яблоки. Йово ее за руку схватил...] [9, с. 137]. На свадьбе в Лодзинском воев. (Польша) изготовление и установка свадебного деревца, называемого *jabłoneczka*, сопровождалась исполнением песен, имевших в том числе и эротический подтекст: «Musisz, Janku, jabłoneczke podliwać, to i bedzies duzo jabłek z ni zrywać» [Должен ты, Янек, яблоньку поливать, тогда и будешь много яблок с нее срывать] [45, s. 140]. В любовной магии была известна практика хлестать яблонею веткой потенциального партнера. Так, у героев сербского Баната, молодой человек, придя сватать девушку, слегка ударял ее яблонею веткой, чтобы она его полюбила [2, с. 237].

Яблоня символизировала и просто плодоносящее начало, столь значимое для молодоженов, ср. кашубское выражение (основанное в том числе на местной традиции одаривать молодых яблоками на свадьбе), в кото-

ром новобрачных сравнивают с плодovitостью яблони: *plennô jak jablónka (w jabłuszka)* [плодовито, как яблонька (яблочками)] 'о молодой паре'). В сербском Банате в воду, в которой невеста должна была мыться перед свадьбой, клали на ночь яблоко, а после мытья выливали ее под плодоносящую яблоню, чтобы она была здоровой и имела детей [5, с. 398].

Наконец, в девичьих гаданиях о замужестве яблоня символизировала свадьбу. У словаков и мораван в канун Андреева или Юрьева дня девушки плели ветки и кидали их назад, за спину: считалось, что, если веночек упадет на яблоню, девушка в течение года выйдет замуж [44, с. 315]. В популярных предрождественских гаданиях, известных в разных областях славянского мира, расцветание к Рождеству яблоневого ветки, поставленной в воду за пару недель до праздника, также предвещало девушке замужество, что, безусловно, поддерживалось цветовой ассоциацией: белые цветы яблони — белое убранство невесты.

Еще П. Сobotка обращал внимание на то, что в народных песнях яблоня символизировала девушку вообще и девушку-невесту в частности [55, с. 141]. Заметим, однако, что эта символическая связь неоднозначна. В некоторых контекстах она могла быть прямой, т. е. фактически имела характер знака. Так, в Вологодской обл. едущему сватать желали: «Яблоня в сани», где «яблоня» просто означала невесту [42, с. 105]. Чаще яблоня символизировала девушку (например, в сновидениях или их пересказах), и в таком случае эти два образа связывали более сложные отношения. Например, в известном свадебном причитании невеста пересказывает свой сон, в котором она видит себя в образе яблони: «...Тут нашла, молодешенька, я избище старое, / Из дубова леса ронено (срублено), комельки не обрונены... / А среди избы ... стоит яблонь кудрявая... / Это не избище старое, а чужая дальняя сторона... / А среди ... стоит не яблонь кудрявая, / Стою я, молодешенька!» ([28, с. 66] Вологодская губ.). В данном случае перенесение яблони (культурного растения) в чужую среду, ассоциирующуюся с дикой природой (избище из дубового леса), метафорически экстраполируется на молодую женщину, вырванную из родной семьи и оказавшуюся в чуждом окружении — в доме мужа (см. об этом: [43, с. 430]). Третий случай — это параллелизм девушки и яблони: «Стаіць яблынька, расхілілася, / Ды некаму падвязці. / Сядзіць дзеванька, расплакалася, / Ды некаму суцяшці» ([25, № 577] Белоруссия) или их сравнение: «Ми ж разам з тобою у свого батенька рослі, / Як у саду

по весні дві яблуньки цвіли» ([10, № 422] Полтавская губ., похоронное причитание по сестре).

Еще один случай в рамках ассоциации «невеста — яблоня» — это превращение девушки-невесты в яблоню (мотив, в целом очень характерный для славянских баллад. Примечательно, однако, что в свадебных песнях мотив превращения девушки в дерево, из которого затем делают музыкальный инструмент, лишен трагичности балладного развития и имеет скорее символическую природу, а игра на этом музыкальном инструменте выступает метафорой брака: «Войду, млада, в сенички, / Возьму, млада, ведерки, / Пушу ведра под гору: / “Станьте ведра купчиком, / Коромысло змейкою, / А я, млада яблонью”. / Тут ехали ехальцы, / Рубят яблонь под корень. / Колят доски дончатые, / Делают гусли звончатые. / Кому в гусли играти? / Играть в гусли ровнюшке...» [34, № 376].

Еще в одной группе контекстов, представленных в основном свадебными причитаниями, яблоня выступает как эмоционально-оценочный маркер настроения невесты. Увядавшие, поникшие, облетевшие деревья раскрывают чувства девушки, ожидающей расставания с родными и вольной жизнью: «Не видать да свету белого / Под косивчатым окошечком! / Там была улочка плановая, / Там площадки сторублевые, / Там сады были зеленые, / Были яблони лазуревы... / У меня, у красной девушки... / А по сегодняшнему денечку / В саду яблони повянули, / В саду вишенки поблекнули, / Захлебнулись птички-пташечки...» [23, с. 133–134]. Другой известный сюжет русских свадебных причитаний строится вокруг наблюдений невесты над тем, куда улетит ее «воля-красота», и в итоге отдельные деревья получают разный аксиологический статус, сообразно с которым и складывается поэтический сюжет. «Воля-красота», севшая на осину или березу, означает, что замужняя жизнь девушки будет неудачной или средней; если же «воля-красота» садится на яблоне, это предвещает девушке счастливый брак: «Погляжу я, красна девица, / Погляжу на свою красоту, / Вкруг чего она обвилась... / Аль вкруг яблоньки кудрявья?... / Если ты обвилась, красота, / Вкруг яблоньки кудрявья, / Мне житье будет хорошее, / Развеселое, богатое!» [26, с. 368]. Ассоциация яблони и удачного замужества объясняет и то, почему в свадебных песнях девушка и сама оставляет у яблони свою «волю-красоту»: «Моя девица краса / С береженьем ношена, / И хорошо положена... / В зелененьком саду, / Под сахарною яблонькой» ([16, № 72] Псковская губ.).

Помимо того что в свадебном фольклоре яблоня получила целый ряд символических значений, связанных с девушкой-невестой и браком в целом, ее ветки, зелень и плоды (см.: [5]) играли большую роль в самом обряде. Практически во всех славянских традициях ветви яблони, наряду с другими плодовыми деревьями, использовали для изготовления свадебного «деревца» (ритуального предмета, сделанного из верхушки или ветки дерева и особым образом украшенного), что отразилось в терминологической лексике свадьбы, см. такие названия свадебного «деревца», как рус. *яблонка* (орлов.), пол. *jabłońka*, болг., макед. *яболница*, ю.-з.-болг. *ябълка* [47, с. 242 и след.]. Примечательно, что хотя само «деревце» могли делать из веток хвойных деревьев (особенно в зимнее время), но называли его при этом «яблонькой» (пол. *jabłoneczka*, см. об этом в специальной статье: [45]). Аллюзией к свадебному «деревцу» можно считать и майское «деревце». Например, в Хорватии (Синьский край) парни устанавливали 1 мая украшенные деревца вблизи домов своих девушек, называя это *postaviti curi jablan* [поставить девушке яблоню], хотя на деле ставить могли самые разные деревца [50, с. 483]; заметим, что установлению майского деревца вблизи дома девушки часто придавалось значение брачного намерения или обещания.

Свадебное «деревце» получило развитие в традиционных обрядах похорон-свадьбы, когда хоронили молодых людей и девушек, умерших не вступившими в брак или обрученными (об обрядах этого типа см.: [8]). Особенно часто свадебное «деревце» встречается в подобных похоронных обрядах у балканских славян: маленькую яблоню, которая недавно стала давать плоды, или большую ветку яблони украшали и несли перед гробом умершего юноши или девушки, иногда подростка, а затем сажали ее на могиле (вместо креста). Полагали, что деревце находилось с покойником в пути до самого его перехода на «тот» свет, а когда яблоня засыхала, это означало, что душа достигла рая и деревце должно расстаться с ней ([6, с. 393]; [20, с. 344] Сербия; [438, с. 180], Босния).

Из древесины яблони, а чаще — из ее веток делали древяно для свадебного знамени и веночки, заменяющие обручальные кольца (у поляков Цешина сама невеста плела такие веночки из ветки сладкой яблони, «чтобы жизнь была сладкой» — [53, с. 192]); плели свадебный венок для невесты; на Смоленщине ветками яблони украшали *курник* (куруцу, запеченную в тесте) [33, с. 135]. У лемков при смене прически у молодой волосы ей запле-

тали на так называемые *гимлу* — кольцо или венок, сплетенный из молодой яблоневого ветки с яблони, которая приносила самые сладкие яблоки, чтобы и жизнь у молодых была «сладкой» [17, с. 153]. Под яблоней совершали некоторые свадебные ритуалы, например, в окр. Ловеча под яблоней снимали покрывало с невесты [18, с. 278]. И т. д.

Совершенно иным оказывается образ яблони в народной прозе, сюжеты которой восходят к принципиально другим источникам и книжной традиции. Здесь яблоня — один из наиболее популярных образов **райского дерева**, а точнее — дерева познания добра и зла, которое вместе с другими растениями, согласно Книге Бытия, было посажено Богом: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт 2: 9). Заповедь, данная Богом Адаму, касалась именно этого дерева: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт 2: 16–17). Тем не менее искушенная Змеем Ева попробовала плод этого дерева и дала его Адаму, введя тем самым себя и его во грех: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт 3: 6). Осознавшие свою наготу, первые люди были в итоге изгнаны из рая.

Эта библейская основа лежит в основе большого количества легендарных рассказов, известных в разных славянских фольклорных традициях, которые расцвели библейский рассказ множеством деталей и даже несколько скорректировали его (тексты восточнославянских легенд см.: [22, № 523–528], где в комментариях даны ссылки на карпатские и южнославянские легенды; [3, с. 17–19, № 7 а-с], где даны белорусские варианты; [37, № 366], где приводятся русские варианты легенды).

В легендах, устных и книжных, славянских и неславянских, дерево познания довольно последовательно называется именно яблоней, а искусивший первых людей плод — яблоком, хотя история этого сюжета в мировой книжности знает самые разные варианты названия этого плода (виноградная лоза, пшеница, фиговое дерево, гранат, смква, этрог (сорт цитрусовых), который иногда называют и райским яблоком, и т. д.; об этом см., напри-

мер: [32, с. 422]; некоторые из этих растений, помимо яблони, встречаются и в славянских легендах).

Представление о том, что именно яблоня выступала в качестве древа познания, активно поддерживалось иконографической традицией, в частности, изображение древа познания как яблони с красными плодами, у которой находятся Адам и Ева, встречается в русском печатном и рисованном лубке [30, с. 92]. В текстах же, сопутствующих изображению, яблоня не упоминается, а речь, естественно, идет о ее плоде, которым были искушаемы первые люди. Как сказано в Лицевой Библии XVIII в., змей «еву искушает / злым советом лукавыи к греху увещевает, / будете яко бози враг еи глаголаше / взяла ева яблоко и адаму даше» [27, с. 260].

Наконец, обратим также внимание на популярность фитонимов типа «райская яблоня» в славянских языках, где они означают виды собственно яблонь, см. яблоня сливолистная, или китайская, рус. *райская яблоня*, либо другие культурные растения, приносящие плоды, обычно красного цвета, см. серб. *rajska jabuka*, *rajišnica*, словен. *rajsko jabelko* *Solanum lycopersicum*, томат.

В отличие от библейского текста в народных легендах древо познания как источник грехопадения первых людей трактуется иногда как собственность и даже порождение сатаны (отчасти в духе дуалистических легенд). Этот мотив присутствует уже в апокрифической книжности (в Толковой Палее, со ссылкой на: [40, с. 15]), а также активно представлен в болгарских легендах, указывающих на его возможные богомильские истоки [22, с. 233, комм. к № 524]. Заметим, что такая трактовка древа познания известна и за пределами болгарской традиции, в частности у казаков Кубани. Местная легенда рассказывает о сотворении мира и, в частности, о том, что рай и все растения, в том числе плодоносные деревья, в нем были сотворены Богом, в то время как завидующий ему сатана создал одно-единственное растение — яблоню, оказавшуюся древом познания добра и зла ([7, с. 132] ст. Бекешевская).

Редкие легенды иногда немного корректируют библейский рассказ в том духе, что Ева якобы не срывала яблоко с дерева, а лишь подобрала одно из тех, что валялось на земле [3, с. 19, № 7 с; 37, № 377], либо его ей дал Змей [22, № 527], что, видимо, должно было уменьшить тяжесть совершенного греха. Наконец, само яблоко, искусившее первых людей, не всегда понималось в прямом смысле, а в целом ряде текстов выступало как метафора грехопадения, коитуса [22, с. 234, комм. к № 525].

К легендам об искушении Евы и грехопадении посредством яблока примыкает еще один сюжет, который объясняет наличие у мужчин так называемого адамового яблока, или кадыка. Обратим внимание на то, что кадык часто получает название, указывающее на его связь с библейской легендой, ср. серб. *јабучица* «кадык» (названный так, согласно народной легенде, благодаря застрявшему в горле яблоку) и *адамчица* «сорт яблони» (якобы происходящей от того яблока, которое Ева дала Адаму) [41, с. 114], бел. голел. *яблчка* 'кадык' [3, № 8 е], рус. тамбов. *антоновское яблоко* 'кадык' [13, с. 12]. Судя по многочисленным легендам, кадык — это то самое яблоко, которое Ева дала Адаму, которое он от страха (что его увидел или может увидеть Бог) проглотил или которым подавился и которое в конце концов застряло у него в горле (см.: [41, с. 114; 22, № 538–542; 3, № 8 а-е; 37, № 375–377]). Отсутствие же адамова яблока у Евы иногда объясняют тем, что ей удалось проглотить яблоко, а Адаму нет [3, № 8 с]. Согласно чешским легендам, адамово яблоко — это огрызок того самого яблока, застрявший у Адама в горле, который он не смог выплюнуть, поэтому кадык и называется *ohryzek* ([48, s. 256] окр. Градец-Кралове).

С темой грехопадения, в которой соединяются мотивы рая и яблони, опосредованно связаны также и фольклорные нарративы, толкующие запрет есть яблоки до определенного праздника. Во всех славянских традициях известен запрет есть разные сезонные плоды до Троицы, Иванова дня, Петрова дня, Преображения и других летних праздников. У восточных славян этот запрет объясняют обычно нечистотой неосвященных плодов, в частности тем, что до Яблочного Спаса (Преображения) на яблоне якобы сидит черт (дьявол): «До Спаса на яблоне черт сидит, нельзя яблоки рвать, а посвятят яблоки, то он уже с яблук да в воду»³ (Копачи Киевская обл.); «Пока не посвечанэ, то на яблуні сатана сядзіць», «До Спаса чорт на яблуні сядзіць» ([36, т. 1 с. 130; т. 5, с. 15] Белоруссия, Туровщина) и т. д.

Впрочем, иногда тот же запрет — есть яблоки до Преображения — мотивируют обращением к библейской истории, а именно эпизодом искушения Евы Змеем: «І от зарэ покуль это на Спаса, як посвятіцца яблычко, то веруюшчыя ў Бога не едыт, не зрываюць до Спаса... О гэто за гэтым. Што сатана скусіла яблычком...» ([3, с. 27] Брестская обл.), ср. обратную логику легенды,

3 Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.

когда уже не запрет мотивировался библейской историей, а наоборот: грехопадение рассматривалось как своего рода наказание за нарушение Божьей заповеди «не трогать яблоки до Спаса» ([37, № 369] Пензенская губ.).

Параллельно восточным славянам была известна и совсем другая мотивация этого запрета (также соединяющая мотивы рая, яблони и греха), которая апеллировала к теме умерших детей. Рассказывали, что на «том» свете Бог после Преображения раздает душам умерших детей яблоки, и если мать, у которой некогда умер ребенок, отведает яблока до праздника, то на просьбу ребенка дать ему яблоко Бог ответит отказом или же скажет что-нибудь вроде «А твое яблоко свинья съела» ([3, № 16 а] Брестская обл.; [54, s. 187] Житомирщина).

Подобные календарные нарративы, объясняющие ограничения на употребление в пищу сезонных плодов, были широко известны в Южной Славии, с той лишь разницей, что запрет есть яблоки заканчивался здесь не на Преображение, а в Петров день. Рассказывали, что в этот день св. Петр трясет растущую в раю яблоню и зовет детей собирать их или сам раздает им яблоки; если же чья-нибудь мать нарушила запрет и съела яблоко до Петрова дня, то св. Петр обделяет этого ребенка, не дает ему яблока или дает ему огрызок, оставшийся от яблока, съеденного его матерью ([15, с. 136] сербы в Смедерево; [5, с. 403] Банат). Обрядовая практика поддерживает этот запрет тем, что предписывает матерям умерших детей раздавать в этот день яблоки другим детям (в качестве своеобразной жертвы) [41, с. 109].

Связь яблони (и яблока), рая и грехопадения можно уловить в текстах, принадлежащих и некоторым другим жанрам славянского фольклора. Приведем лишь несколько примеров, чтобы показать их многообразие. Яблони чаще других деревьев упоминаются, например, в русских обмираниях (рассказах о посещениях «того» света душой человека, пребывающего в состоянии летаргического сна) — при описании райского сада (рая как сада) [29, с. 165], а также «того» света вообще ([39, с. 232] старообрядцы в Литве). Яблоня, стоящая посредине рая, — типичный мотив сербских народных песен о наказаниях грешников и преступников, см.: «Јабука је на сред раја расла, / На пакао грани наднијела, / Ал у пакао три дилбера горе...» [Яблоня посреди рая росла, на ад ветви свесила, в аду три красавца горят...] [14, с. 106]. В польских снотолкованиях видеть во сне яблоню означает радость, роскошь и рай на земле [52, s. 168]. В русских заговорах от укуса змеи на яблоне, расту-

щей в центре мира, находится гнездо, в котором лежит старшая змея: «На си-нем море на лукоморье стояла яблоня, на той яблоне три суки, три гнезды, в тый гнезди змея шкарапея...»⁴ (Смоленская обл.).

Яблоня упоминается еще в одном новеллистическом сюжете в связи с мотивами греха и наказания, а именно **в сюжете о раскаявшемся разбойнике**. Чтобы получить на старости отпущение грехов и спокойно умереть, он должен был в течение длительного времени поливать сухую головешку (палку), нося при этом воду ртом; когда после многих лет из этой палки вырастает и дает плоды яблоня, разбойник стряхивает эти яблоки и вместе с ними избавляется от всех своих грехов. Сюжет известен восточным и западным славянам [55, s. 143]. Вот польский вариант сюжета. У разбойника Мадея была яблоневая палица, которой он убил столько человек, сколько у него волос на голове. В конце жизни, перед угрозой посмертного наказания, он подверг себя испытаниям и лег на ложе из острых орудий, пока ему не отпустили грехи. Потом он встал на колени и обливал слезами и водой, которую таскал, ползая на коленях, свою яблоневую палицу, воткнутую в землю. Через много лет такого стояния на коленях и поливания палицы из палицы выросла чудесная яблоня с красными яблочками, каждое из которых было душой убитого им человека. Тот же священник, который прежде отпустил ему грехи, исповедал его снова и после того, как тот каялся в очередном грехе, яблоко падало и из него вылетал голубь [46].

Таковы основные аспекты образа яблони в славянском фольклоре и традиционной культуре. На первый взгляд может показаться, что этот символический образ лишен целостности и складывается, как конструктор, из нескольких вполне самостоятельных фрагментов. Отчасти так и есть. Статус яблони как плодового дерева во многом объясняет его связь с детской темой и в частности распространенный в фольклоре образ «яблочка от яблони», символизирующий мать и дитя. Цветение яблони и красота плодов определяют свадебную символику дерева, которое в свадебном фольклоре, обряде и терминологии коррелирует, с одной стороны, с самой невестой, а с другой — с обрядом в целом. Библейский образ дерева познания (как де-

4 Архив Российской академии музыки им. Гнесиных. Ф. 3228. 1987 г.

рева, приносящего плоды), в разных культурах издревле ассоциировавшийся с яблоней как одним из самых популярных плодовых деревьев Европы, порождает целый пласт легендарных сюжетов и нарративов, связывая яблоню с такими темами, как рай, грех и наказание.

Вместе с тем, при всей их сепаратности, отдельные фрагменты исследуемого образа являются частью единого фольклорного универсума, в рамках которого они связаны между собой множеством нитей. Эротические ассоциации яблони и яблока, столь очевидные в любовной магии, находят параллель в легендах, восходящих к библейской теме грехопадения. Сама эта тема перекликается с новеллистическим сюжетом о раскаявшемся разбойнике, искупление грехов которого ознаменовано прорастанием и цветением посоха из сухого яблоневого дерева. А этот мотив в свою очередь лежит в основе традиционных предрождественских гаданий по веткам плодовых деревьев, которые, поставленные в воду и расцветшие к Рождеству, знаменуют удачу в личных делах и долгую жизнь. И, наконец, в целом ряде сюжетов плоды яблони ассоциируются с душами умерших, словно прорастающими на ее ветвях, а сама яблоня — в текстах разного происхождения и разных жанров, как мы видели, выступает образом будь то мирового дерева, дерева познания или иного иномирного дерева.

Список литературы

- 1 *Агапкина Т.А.* Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 29–43.
- 2 Банатске Хере / ред. М. Филиповић. Нови Сад, 1958.
- 3 Беларуская «народная Библия» ў сучасных запісах / Уступ. артыкул, уклад. і камент. А.М. Боганевој. Мінск, 2010. 166 с.
- 4 Биле у традиционалној култури Срба / ред. Г. Живковић. Нови Сад, 2013. 286 с.
- 5 *Босић М.* Јабука у обичајима и веровањима Срба у Војводини // Зборник Етнографског музеја у Београду: 1901–2001. Београд, 2001. С. 395–404.
- 6 Българска митология: Енциклопедичен речник / съст. А. Стойнев. София, 1994. 398 с.
- 7 *Васильков В.В.* Народные обычаи казаков станицы Бекешевской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1906. Т. 36. Отд. 2. С. 80–148.
- 8 *Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 225–228.
- 9 *Вукмановић Ј.* Свадбени обичаји у херцеговном крају // Гласник Цетињских музеја. 1969. Књ. 2. С. 135–155.
- 10 Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012. 520 с.
- 11 *Детелић М.* Zelena jabuka u ерским песмама // Зборник у част М. Клеут. Нови Сад, 2013. С. 51–72.
- 12 *Дикарев П.П.* Знадоби до україноської народної ботаніки // Посмертні писання Митрофана Дикарева з поля фольклору й мітології. Львів, 1903. С. 1–48.
- 13 *Дубровина С.Ю.* Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря. Тамбов, 2001. 171 с.
- 14 *Иванчевић П.* Српске народне умотворине // Босанска вила. 1887. Књ. 2. Св. 7. С. 105–106.
- 15 Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Алексинац, 1901. Год. 3.
- 16 *Копаневич И.К.* Народные песни, собранные и записанные во Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Псков, 1912. Вып. 8. С. 137–187.
- 17 Лемківщина. Земля – люди – історія – культура. Нью-Йорк; Париж; Сидней; Торонто, 1988. Т. 2. 500 с.
- 18 Ловешки край. Материална и духовна култура / ред. Г. Михайлова. София: «Проф. Марин Дринов», 1999. 435 с.
- 19 *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София: Българско книжовно дружество, 1914.
- 20 *Милићевић М.Б.* Живот Срба селяка. Београд: Српска краљевска академија, 1894.
- 21 *Мороз А.Б.* Символика яблока и яблони в сербских календарных обрядовых песнях // Кодови словенских култура. Београд, 1996. Бр. 1. С. 37–46.

- 22 «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды /
сост. и коммент. О.В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
- 23 *Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах.
Опыт тезаурусного описания. М., 2000. 216 с.
- 24 *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды
и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. 302 с.
- 25 Палескае вяселле / Уклад. В.А. Захарова. Мінск, 1984. 303 с.
- 26 Причитания / вступ. статья К.В. Чистова. Л., 1960. 434 с.
- 27 *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3.
- 28 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро»
князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 5. Ч. 4: Тотемский, Устьсысольский, Устюжский
и Яренский уезды. 807 с.
- 29 Русский демонологический словарь / сост. Т.А. Новичкова. СПб.,
1995. 639 с.
- 30 Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. Из собрания Гос.
Исторического музея / сост. Е. И. Иткина. М., 1992. 255 с.
- 31 *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст.
М., 2007. 432 с.
- 32 *Синило Г.В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета):
учеб. пособие. М.: Флинта; МПСИ, 2008. 845 с.
- 33 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1980. Вып. 16. 376 с.
- 34 Собрание народных песен П.В. Киреевского: записи Языковых в Симбирской
и Оренбургской губерниях. Л.: Наука, 1977. Т. 1. 328 с.
- 35 Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг
и др. Л., 1979. 442 с.
- 36 Тураўскі слоўнік / Склад. А.А. Крыўіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.
Т. 1–5.
- 37 У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент.
О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. М., 2014. 528 с.
- 38 *Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој нахији // Српски етнографски
зборник. Београд: Српска краљевска академија, 1949. Књ. 61.
- 39 Фольклор старообрядцев Литвы / Издание подготовил Ю. Новиков. Вильнюс,
2009. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. 568 с.
- 40 *Франко І.* Апокріфи і легенди з українських рукописів. Львів, 1896. Т. 1. 396 с.
- 41 *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985. 348 с.
- 42 *Черепанова О.А.* Историко-типологический взгляд на устойчивые сочетания
сакрально-прагматического характера // Идеографический и историко-этимоло-
гический анализ славянской фразеологии. Псков, 1994. С. 105–106.
- 43 *Швед И.А.* Дэндралагічны код у палескім фальклоры // Народознавчі зошити.
2006. № 3–4. С. 428–433.
- 44 *Bartoš Fr.* Moravský lid. Telč, 1892. 328 s.

- 45 *Dekowski J.* Jabloneczka w obrzędowości weselnej na terenie woj. Łódzkiego // *Łódzkie studia etnograficzne.* Łódź, 1970. T. II. S. 133–148.
- 46 *Grajnert J.* Drzewa podaniowe // *Tygodnik illustrowany.* 1864. T. 9, N 224. S. 12–14.
- 47 *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava, 1976. 310 s.
- 48 *Košťál J.* Rostlinstvo v podání prostonárodním. Velké Meziříčí, 1902. 308 s.
- 49 *Lud. Polskie* Towarzystwo Ludoznawcze. Lwów, 1905. T. II.
- 50 *Miličević J.* Narodni običaji i vjerovanja u Sinjskoj krajini // *Narodna umjetnost.* Zagreb, 1967/1968. Knj. 5/6. S. 433–516.
- 51 *Moravské Slovensko.* Praha, 1922. Sv. 2. 887 s.
- 52 *Niebrzegowska St.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1996. 298 s.
- 53 *Płyniesz Olzo.* Ostrava, 1970. T. I. Zarys kultury duchowej ludu cieszyńskiego. 222 s.
- 54 *Rokossowska Z.* O świecie roślinnym // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1889. T. 13. S. 163–199.
- 55 *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písniích, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879. 216 s.
- 56 *Więtek J.* Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Kraków, 1893. 728 s.

References

- 1 Agapkina T.A. Derev'ia v traditsionnoi kul'ture slavian: problema sistemnogo opisaniia [Trees in the Traditional culture of Slavs: a problem of systematic description]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2012, no 6, pp. 29–43. (In Russ.)
- 2 *Banatske Khere* [Khers in Banat], ed. M. Filipovich. Novi Sad, 1958. (In Serbian)
- 3 *Belaruskaja «narodnaja Biblija» w suchasnyh zapisah* [Belarusian “people’s Bible” in contemporary notes], ustup. artykul, ukklad. i kament. A.M. Boganevoj [Introduction, compilation, and commentary by A.M. Boganeva]. Minsk, 2010. 166 p. (In Belarusian) CP. № 22.
- 4 *Bile u traditsionalnoi kulturi Srba* [Plants in traditional Serbian culture]. Ed. G. Zhivkovich. Novi Sad, 2013. 286 p. (In Serbian)
- 5 Bosich M. Iabuka u obichaima i verovanima Srba u Voivodini [Apple tree in rituals and beliefs of the Serbs in Voevodina]. *Zbornik Etnografskog muzeia u Beogradu: 1901–2001* [Collection of Ethnographic museum in Belgrad: 1901–2001]. Beograd, 2001, pp. 395–404. (In Serbian)
- 6 *Bylgarska mitologija: Entsiklopedichen rechnik* [Bulgarian mythology: Encyclopedic dictionary], syst. A. Stoinev. Sofiia, 1994. 398 p. (In Bulgarian)
- 7 Vasil'kov V.V. Narodnye obychai kazakov stanitsy Bekeshevskoi [Popular rituals of the Kassaks from Bekeshevskaya village]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnosteni i plemen Kavkaza* [Collection of papers for systemizing Caucasus locations and tribes]. Tiflis, 1906, vol. 36, otd. 2, pp. 80–148. (In Russ.)
- 8 Vinogradova L.N. Pokhorony-svad'ba [Funerals-wedding]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2009, vol. 4, pp. 225–228. (In Russ.)
- 9 Vukmanovich I. Svadbeni obichai u khertsegnovnom kraiu [Wedding rituals in Hercegovini]. *Glasnik Tsetin'skikh muzeia* [Bulletin of Cetinje museums]. 1969, vol. 2, pp. 135–155. (In Serbian)
- 10 *Golosinnja* [Laments], ed. I. Koval' Fuchylo. Kyi'v, 2012, 520 p. (In Ukrainian)
- 11 Detelich M. Zelena iabuka u epskim pesmama [Green apple tree in epic songs]. *Zbornik u chast M. Kleut* [Collection in honor of M. Kleut]. Novi Sad, 2013, pp. 51–72. (In Serbian)
- 12 Dykarev P.P. Znadoby do ukrai'ns'koi' narodnoi' botaniky [Information on Ukrainian popular botany]. *Posmertni pysannja Mytrofana Dykareva z polja fol'kloru j mitol'ogii'*. L'viv, 1903, pp. 1–48. (In Ukrainian)
- 13 Dubrovina S. Iu. *Narodnoe pravoslavie na Tambovshchine. Opyt etnolingvističeskogo slovaria* [Popular orthodox faith in Tambov area. Ethnolinguistic dictionary]. Tambov, 2001. 171 p. (In Russ.)
- 14 Ivanchevich P. Srpske narodne umotvorine [Serbian popular art]. *Bosanska vila*, 1887, vol. 2, part 7, pp. 105–106. (In Serbian)
- 15 *Karadzhih. List za srpski narodni zhivot, obichae i predane* [Journal of life, rituals, and sayings of the Serbian people]. Aleksinats, 1901, God. 3. (In Serbian)

- 16 Kopanevich I.K. Narodnye pesni, sobrannye i zapisannye vo Pskovskoi gubernii [Popular songs collected and recorded in Pskov province]. *Trudy Pskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Papers of Pskov Archaeological Society]. Pskov, 1912, vol. 8, pp. 137–187. (In Russ.)
- 17 *Lemkivshhyna. Zemlja – ljudy – istorija – kul'tura* [Land – people – history – culture]. New York; Paris; Sydney; Toronto, 1988. Vol. 2. 500 p. (In Russ.)
- 18 *Loveshki kraj. Materialna i dukhovna kultura* [The Land of Lovech. Material and spiritual culture], ed. G. Mikhailova. Sofii, “Prof. Marin Drinov” Publ., 1999. 435 p. (In Bulgarian)
- 19 Marinov D. *Narodna Viara i religiozni narodni obichai* [Popular faith and popular religious customs]. Sofii, Bylgarsko knizhovno druzhestvo Publ., 1914. (In Bulgarian)
- 20 Milichevich M. Dzh. *Zhivot Srba seliaka* [Life of a Serbian villager]. Belgrad, Srpska kraljevska akademii Publ., 1894. (In Serbian)
- 21 Moroz A.B. Simvolika iabloka i iabloni v serbskikh kalendarnykh obriadovykh pesniakh [Symbolism of the apple tree and apples in Serbian calendar ritual songs]. *Kodovi slovenskikh kultura* [Codes of Slavic cultures]. Beograd, 1996, no 1, pp. 37–46. (In Russ., in Serbian)
- 22 “*Narodnaia Bibliia*”: *Vostochnoslavianskie etnologicheskie legendy* [Popular Bible: Etiological legends of Eastern Slavs], sost. i komment. O.V. Belovoi [Ed. and comments by O.V. Belova]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 576 p. (In Russ.) CP. № 3.
- 23 Nikitina S.E., Kukushkina E. Iu. *Dom v svadebnykh prichitaniiax i dukhovnykh stikhakh. Opyt tezaurusnogo opisanii* [House in wedding laments and spiritual poetry. Taurus]. Moscow, 2000. 216 p. (In Russ.)
- 24 Nikiforovskii N.Ia. *Prostonarodnye primety i pover'ia, suevernye obriady i obychai, legendarnye skazaniia o litsakh i mestakh* [Popular signs and beliefs, superstitious rituals and customs, legendary tales about faces and places]. Vitebsk, 1897. 30 p. (In Russ.)
- 25 *Paleskae vjaselle* [Polesskaya wedding], ed. V.A. Zakharav. Minsk, 1984. 303 p. (In Belarusian)
- 26 *Prichitaniia* [Laments], vstup. stat'ia K.V. Chistova [Introduction by K.V. Chistov]. Leningrad, 1960. 434 p. (In Russ.)
- 27 Rovinskii D.A. *Russkie narodnye kartinki* [Russian popular pictures]. St. Petersburg, 1881. Vol. 3. (In Russ.)
- 28 *Russkie krest'iane. Zhizn'*. Byt. Nrawy. Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia V.N. Tenisheva [Russian peasants. Life. Household. Manners]. St. Petersburg, 2008. Vol. 5, part 4, Totemskii, Ust'sysol'skii, Ustiugskii i Iarenskii uezdy. 807 p. (In Russ.)
- 29 *Russkii demonologicheskii slovar'* [Russian demonological dictionary!], ed. T.A. Novichkova. St. Petersburg, 1995. 639 p. (In Russ.)
- 30 *Russkii risovannyi lubok kontsa XVIII – nachala XX veka*. Iz sobraniia Gos. Istoricheskogo muzeia [Russian popular drawings of the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries], ed. E.I. Itkina. Moscow, 1992. 255 p. (In Russ.)

- 31 Sedakova I.A. *Balkanskie motivy v iazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyi tekst* [Balkanian motifs in Bulgarian language and culture]. Moscow, 2007. 432 p. (In Russ.)
- 32 Sinilo G.V. *Drevnie literatury Blizhnego Vostoka i mir Tanakha* (Vetkhogo Zaveta), *ucheb. posobie* [Ancient literatures of the Middle East and the world of Old Testament]. Moscow, Flinta, MPSI Publ., 2008. 845 p. (In Russ.)
- 33 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian popular dialects], Ed. F.P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Vol. 16. 376 p. (In Russ.)
- 34 *Sobranie narodnykh pesen* P.V. Kireevskogo: zapisi lazykovykh v Simbirskoi i Orenburgskoi guberniakh [Collection of popular songs by P.V. Kireevsky: records of languages of Simbirskaya and Orenburgskaya provinces]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 1. 328 p. (In Russ.)
- 35 *Sravnitel'nyi ukazatel' suzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka* [Comparative plot indexes. Fairy-tale of Eastern Slavs]. Ed. L.G. Barag i dr. Leningrad, 1979. 442 p. (In Russ.)
- 36 *Turavski slovník* [Turavsky glossary], Eds. A.A. Kryvicki, G.A. Cyhun, I.Ja. Jashkin. Minsk, 1982–1987. Vol. 1–5. (In Belarusian)
- 37 *U istokov mira. Russkie etnologicheskie skazki i legendy* [At the world origins. Russian etiological fairy-tales and legends], sost. i komment. O.V. Belovoi, G.I. Kabakovoi. Moscow, 2014. 528 p. (In Russ.)
- 38 Filipovich M. Zhivot i obichai narodni u Visochkoi nakhii [Life and popular customs of the Visoko community]. *Srpski etnografski zbornik* [Serbian ethnographical collection]. Beograd, Srpska kraljevska akademija Publ., 1949. Vol. 61. (In Serbian)
- 39 *Fol'klor staroobriadsev Litvy* [Folklore of the Old Believers of Lithuania]. Ed. Iu. Novikov. Vilnius, 2009. Vol. 2: Narodnaia mifologija. Pover'ia. Bytovaia magija [Popular mythology. Beliefs. Household magic]. 568 p. (In Russ.)
- 40 Franko I. *Apokrify i llegendy z ukrai'ns'kyh rukopysiv* [Apocrypha and legends in Ukrainian manuscripts]. Lviv, 1896. Vol. 1. 396 p. (In Ukrainian)
- 41 Chaikanovich V. *Rechnik srpskikh narodnikh verovania o bil'kama* [Dictionary of Serbian beliefs about plants]. Beograd, 1985. 348 p. (In Ukrainian)
- 42 Cherepanova O.A. Istoriko tipologicheskii vzgliad na ustoichivye sochetaniia sakral'no pragmaticheskogo kharaktera [Historio-typological approach to constant combinations of sacred pragmatic character]. *Ideograficheskii i istoriko etimologicheskii analiz slavianskoi frazeologii* [Ideographical and historio-etimological analysis of Slavic phraseology]. Pskov, 1994, pp. 105–106. (In Russ.)
- 43 Shved I.A. Dendralagichny kod u paleskim fal'klory [Dendrological code on Polesje folklore]. *Narodoznachchi zoshiti* [Papers on folklore studies], 2006, no 3–4, pp. 428–433. (In Belarusian)
- 44 Bartoš Fr. *Moravský lid* [Moravian People]. Telč, 1892. 328 p. (In Czech)
- 45 Dekowski J. Jabloneczka w obrzędowości weselnej na terenie woj. Łódzkiego. *Łódzkie studia etnograficzne*. Łódź, 1970, vol. 11, pp. 133–148. (In Polish)

- 46 Grajnert J. Drzewa podaniowe. *Tygodnik ilustrowany*, 1864, vol. 9, N 224, pp. 12–14. (In Polish)
- 47 Komorovský J. *Tradičná svadba u Slovanov* [Traditional Wedding of the Slavs]. Bratislava, 1976. 310 p. (In Slovak)
- 48 Košťál J. *Rostlinstvo v podání prstonárodním* [Plant Imagery in Folklore]. Velké Meziříčí, 1902. 308 p. (In Czech)
- 49 *Lud. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze*. Lwów, 1905. Vol. 11. (In Polish)
- 50 Miličević J. Narodni običaji i vjerovanja u Sinjskoj krajini [Popular Rituals and Beliefs in Sinj]. *Narodna umjetnost* [Popular art]. Zagreb, 1967/1968, vol. 5/6, pp. 433–516. (In Croatian)
- 51 *Moravské Slovensko* [Moravian Slovakia]. Praha, 1922. Vol. 2. 887 p. (In Czech)
- 52 Niebrzegowska St. *Polski sennik ludowy* [Polish popular dream book]. Lublin, 1996. 298 p. (In Polish)
- 53 *Płyniesz Olzo*. Ostrava, 1970. Vol. 1: Zarys kultury duchowej ludu cieszyńskiego. 222 p. (In Polish)
- 54 Rokossowska Z. *O świecie roślinnym. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1889, vol. 13, pp. 163–199. (In Polish)
- 55 Sobotka P. *Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských* [Flora and its significance in popular songs, legends, myths, and beliefs of the Slavs]. Praha, 1879. 216 p. (In Czech)
- 56 Świętek J. *Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię*. Kraków, 1893. 728 p. (In Polish)